

К 100-летию со дня рождения Николая Заболоцкого

Есть в письме Николая Заболоцкого, перед самой смертью в 1958 году от правленного писателя-фантаста, такие строки: «Уважаемые авторы, так как посылка из антимира, насколько мне известно, к нам еще не поступало, то зазеркальность миров, надо думать, и до сей поры остается неприкосновенной...».

Очень любопытна эта оговорка - «насколько мне известно». Она проливает неяркий, мерцающий, свет на все творчество Николая Алексеевича Заболоцкого, поэта, чье земное происхождение словно осмыслено его стихами. Всю свою недолгую жизнь поэт, появившийся на свет 7 мая 1903 года в Казани, ощущал отверженность этим миром, как, собственно, и заведено у питомцев муз. Великий Данте лишь сформулировал то, что Заболоцкий (а именно так - через «тс» - писалась его фамилия) знал уже с 7 лет:

Так бей, звонарь,
в свои колокола!
Не забывай, что мир
в кровавой пене!
Я пожелал покоиться
в Равенне,
Но и Равенна мне не помогла.

Заболоцкий - не от мира сего, появившийся, словно чудидце из-за болота, словно таинственный огонек в ночи. Ведь не помогло же ему и крестьянское происхождение. Его дед, николаевский солдат, вышел из крестьян Вятской губернии, отец был сельским агрономом. Но, несмотря на это, 19 марта 1938 года его на 5 лет упеку в ИТЛ (исправительно-трудовой лагерь), откуда он вышел только в 1944-м.

Поэт во все века находится с окружающей реальностью в разных измерениях. Вряд ли такое положение в пространстве и времени справедливо назвать оппозицией, но - взглядом сквозь кривое зеркало языка. И в этом отношении поэзия есть косно-

зычие, иноязычие, что сродни инакомыслию.

Гляди: не бал, не маскарад,
Здесь ночи ходят невопад,
Здесь от вина незнаваем,
Летает хохот пугаем...

Вот эта словесная вязь, что он почерпнул у обериутов, сплывающаяся о мерный, тупой и неуклонный ход истории, и является гармонией разлада и условиями игры в слова. «Играя, поворачиваются спиной к бегу времени», - сказал как-то Борхес. Заболоцкий, отвернувшись от советской власти, социалистического реализма и мира вообще, занимался творчеством. Переводил Рабле, Шарля де Костера, Руставели, переложил «Слово о полку Игореве». Писал свои «столбцы», размышлял о вечном:

А если это так, то что есть красота
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд ана, в котором
пустота,
Или огонь, мерцающий
в сосуде?

Власть очень долго ломала голову над расшифровкой его текстов, словно он разговаривал с нею на каком-нибудь таинственном, «заболотном», язы-

ке, всячески путая следы своего присутствия в этом мире. Писал детские стишки:

Не ветер бушует,
не буря гудит, -
Жучок над болотом к границе
летит...

В 1933 году у него выходит поэма «Торжество Земледелия». Газета «Правда» тут же разразилась гневным откликом, обвинив автора в том, что «не сумел изобразить новых отношений в деревне». И вполне справедливо. Потому что у Заболоцкого за душой совсем иные отношения и строки:

Целый день стирает прачка,
Муж пошел за водкой.
На крыльце сидит собачка
С маленькой бородкой.

И ему больше ничего, собственно, ни от кого и не нужно! А только забалтывать своей никчемной ересью мир...

Он и сейчас никому особо не нужен. Одно из самых полных собраний его сочинений в трех томах вышло двадцать лет назад, еще в застой. И с тех пор ничего путного не издавалось. Поэзия ведь - вещь довольно эфемерная:

Дай хоть йоду идиоту -
не поможет ни на йоту.

Но колокол Заболоцкого, словно обнаружив в слове последние остатки благозвучия, выболтал языком из безмолвия такую музыку, что эхо его и спустя годы окликает другой мир, тревожный, сумасшедший и вечно прекрасный:

И всюду сумасшедший бред.
Листами сонными колышим,
Он льется в окна, липнет
к крышам,
Вздывает дыбом волоса...
И ночь, подобно самозванке,
Открыв молочные глаза,
Качается в спиртовой банке
И просится на небеса...

Туда, где и находится, наверное, она - «страна Заболотия».

Игорь МИХАЙЛОВ.